

Наводящий вопрос как категория лингвистической экспертизы

 А.Н. Баранов

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва 119019, Россия

Аннотация. В статье обсуждается феномен наводящего вопроса как объект лингвистической экспертизы текста. Показывается, что наводящий вопрос, во-первых, содержит семантическую информацию в виде пропозиции (пропозициональный критерий), во-вторых, вводит информацию в поле зрения отвечающего (критерий актуальности) и, в-третьих, отражает версию описываемых событий, желательную для спрашивающего (критерий ангажированности). Лингвистическое исследование позволяет сделать вывод о выполнении пропозиционального критерия и критерия актуальности. Критерий ангажированности относится к экстралингвистической информации и довольно редко может быть доказан чисто лингвистическими средствами – как результат анализа соответствующего дискурса.

Анализируются примеры функционирования наводящих вопросов в реальном дискурсе – в допросах на этапе следствия и на судебных заседаниях. Показываются те части семантики общих и специальных вопросов, которые чаще всего используются опытными коммуникаторами для передачи собеседнику своих представлений о наиболее вероятном ответе. Обсуждаются также близкие феномены следственного и судебного дискурса: подсказки и ситуации «дополненной реальности».

Феномен наводящего вопроса следует считать междисциплинарным, имеющим не только лингвистический, но и психологический и правовой аспекты. С точки зрения методологии лингвистическое исследование позволяет выявить только собственно языковые признаки наводящих вопросов – наличие пропозиции и актуальность (введение информации в поле зрения адресата). Ангажированность как признак наводящего вопроса находится за пределами лингвистического знания.

Ключевые слова: *наводящий вопрос, лингвистическая судебная экспертиза, семантика и прагматика вопроса, семантическая установка, исходное предположение, общие вопросы, частные вопросы*

Для цитирования: Баранов А.Н. Наводящий вопрос как категория лингвистической экспертизы // Теория и практика судебной экспертизы. 2024. Т. 19. № 4. С. 6–17.
<https://doi.org/10.30764/1819-2785-2024-4-6-17>

Leading Question as a Category of Forensic Linguistic Examination

 Anatolii N. Baranov

Institute of Russian Language of Russian Academy of Sciences (Vinogradov's Institute), Moscow 119019, Russia

Abstract. The article discusses the phenomenon of a leading question as an object of forensic linguistic examination. It shows that the leading question (i) contains semantic information in the form of a proposition (propositional criterion), (ii) brings information within the field of a respondent's view (relevance criterion), and (iii) reflects the version of the described events that is desirable for an inquirer (engagement criterion). Linguistic examination allows to conclude on the fulfillment of the propositional criterion and the criterion of relevance. The criterion of engagement refers to extralinguistic knowledge and can rarely be proven as the result of the corresponding discourse analysis by linguistic instruments only.

The paper analyses the examples of leading questions' functioning in real discourse including their use in interrogations at the investigative stage and in court hearings. It highlights those segments of the semantics of 'yes/no-' and 'wh-questions' that are most often used by experienced communicators to

convey their ideas on the most likely answer to the interlocutor. Related phenomena of investigative and judicial discourse are also discussed: tips and “augmented reality” situations.

The phenomenon of the leading question should be considered as the interdisciplinary one, having not only linguistic, but also psychological and legal aspects. From the methodological point of view, linguistic examination allows to identify only the linguistic features of leading questions proper – presence of a proposition and relevance (introduction of information into the view field of an addressee). Engagement as a feature of the leading question lies beyond the scope of linguistic knowledge.

Keywords: *leading question, forensic linguistic examination, semantics and pragmatics of a question, semantic setting of a question, initial assumption, yes/no- questions, wh-questions*

For citation: Baranov A.N. Leading Question as a Category of Forensic Linguistic Examination. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2024. Vol. 19. No. 4. P. 6–17. (In Russ.).
<https://doi.org/10.30764/1819-2785-2024-4-6-17>

1. О наводящем вопросе: постановка задачи

Полноценное определение понятия «наводящий вопрос» в законе отсутствует. Эта категория лишь кратко упоминается в ст. 189 УПК: «Задавать наводящие вопросы запрещается». Между тем в реальном дискурсе следственных действий и в судопроизводстве такие вопросы встречаются и часто отклоняются судом в процессе заседаний, хотя основания для признания вопроса наводящим не всегда очевидны. Например, вопрос адвоката в последовательности реплик (1) был снят судьей как наводящий:

(1)

Защитник [свидетелю]: Вы согласны с тем, что перенести такое тяжелое тело одному человеку невозможно?

Председательствующий [защитнику]: Снимаю ваш вопрос как наводящий. Переформулируйте его¹.

Однако в другой ситуации аналогичный по сути вопрос не вызвал возражений:

(2)

Представитель потерпевшего [специалисту]: Вы же не будете отрицать, что смысл жеста нельзя точно определить?

Специалист: Трение кончиков большого и указательного пальцев друг о друга в положении большого пальца сверху в полусжатой кисти руки – так называемый жест «тити-мити» – однозначно указывает на деньги.

В обоих приведенных примерах спрашивающий в своем вопросе передает свои представления о той версии ответа, которая для него более предпочтительна и/или вероятна ('перенести такое тяжелое тело

одному человеку невозможно' и 'смысл жеста нельзя точно определить')², однако в первом случае вопрос квалифицируется судьей как наводящий, а во втором – нет.

Отсутствие ясных критериев отнесения вопроса к наводящим оказывается проблемой для лингвистической экспертизы текста, поскольку при анализе материалов допросов часто требуется установить, относится ли заданный вопрос к наводящим, или налицо правомерная тактика проведения допроса, не имеющая целью навязать допрашиваемому некоторую интерпретацию событий, которую он не разделяет.

Общепринятые определения наводящих вопросов в доступной лингвистической и юридической литературе отсутствуют, хотя у носителей языка имеется определенная интуиция, в том числе и у юристов (в широком понимании) и у лингвистов, включая специалистов по лингвистической экспертизе. Кроме того, в юридической литературе можно найти некоторые мысли, которые в той или иной степени позволяют составить представление об обсуждаемом феномене.

В работе Е. Центрова [1] под наводящим понимается «вопрос, который содержащейся в нем информацией, формулировкой, интонационным, эмоциональным подтекстом, жестами, мимикой и иным образом подсказывает или наводит на определенный ответ и рассчитан на повторение содержащейся в нем либо подсказываемой информации» [1, с. 45]. С другой стороны, наводящим считается также вопрос, «который ставится таким образом, что внушает желаемый ответ (например: “Вы ведь раньше употребляли

¹ Здесь и далее используются реальные примеры из судебного или следственного дискурса, минимально переработанные автором статьи в иллюстративных целях.

² Здесь и далее используется традиционная научная нотация, принятая в лингвистических работах: марровские кавычки ‘ ’ выделяют смыслы, передаваемые в исследуемых фразах и речевых формах.

наркотики?» или «Вы видели на месте происшествия этого человека?»» [2, с. 308]. В той же работе отмечается, что фактически наводящим может быть признан любой вопрос, «на который может быть дан ответ “да” или “нет”»³.

Специалисты в области юриспруденции констатируют, что один и тот же вопрос в зависимости от ситуации произнесения и участников ситуации общения может быть признан и наводящим, и не наводящим – в частности, уточняющим (см. выше примеры 1 и 2). Так, согласно Ф. Лашкину, «один и тот же очевидно наводящий вопрос может быть отведен судьей, если он будет задан стороной, вызвавшей свидетеля, и принят, если вопрос задаст другая сторона. Не стоит пугаться всеобъемлющей формулировки о том, что наводящим является вопрос, “который содержит в себе ответ”. Если свидетель ранее дал показания по этим фактам, вряд ли кто-то будет возражать, если вы переспросите его в стиле *Итак, вы утверждаете, что присутствовали при составлении акта об отказе от дачи объяснений 11 января 2017 года?*, поскольку данный вопрос уже не будет в строгом смысле этого слова “наводящим” (хотя он явно содержит в себе ответ), а, скорее, должен быть признан уточняющим» [5]. Близкие соображения о сущности наводящих вопросов можно обнаружить и в других исследованиях юридической направленности.

Иногда отмечают и другие особенности вопросов данного типа. Так, в работе [6] обращается внимание на то, что наводящие вопросы могут использоваться для введения в поле зрения адресата некоторой информации: «Наводящие вопросы – это вопросы, которые делают очевидным определенный ответ или констатируют наличие определенных объектов, процессов, явлений» [6, с. 131].

В целом общая часть юридической интерпретации наводящего вопроса – это способность вопроса подсказать адресату некоторый вариант ответа, который по тем или иным причинам представляется желательным спрашивающему (см. также [7, 8]). В некоторых работах признак «желательного ответа» расширяется и говорится уже о «внушающей» способности вопроса, но

поскольку внушение характеризует практически все вопросы, то сам термин «наводящий вопрос» признается неудачным [7].

В лингвистике категория наводящего вопроса не упоминается и не обсуждается. Определение наводящего вопроса, например, отсутствует в известном словаре лингвистических терминов О.С. Ахмановой [9], а также в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» [10]. Направление дискуссии среди специалистов по юриспруденции подсказывает, однако, какие лингвистические феномены оказываются важными для выявления наводящих вопросов.

В современных семантических теориях содержание (смысл) текста, в том числе высказывания (предложения, речевого акта), рассматривается как сложный феномен, состоящий из ряда смысловых слоев, различных по степени эксплицитности-имплицитности. Самый эксплицитный слой – пропозиция, более имплицитные слои – пресуппозиции, семантические следствия, имплицитности дискурса, коннотации и т. д. (см. подробнее [11, 12]). Практически любой из этих слоев может использоваться говорящим для передачи содержания адресату.

Семантика вопросов имеет довольно сложную структуру, которая к тому же неодинакова для вопросов различных типов. Так, общие вопросы включают такой компонент смысла, как семантическая установка на определенный ответ⁴. Например, семантическая установка общих вопросов, особенно в сочетании с некоторыми типами частиц, практически полностью предопределяет ответ (ср. – *Вы ведь были в квартире потерпевшего с Петровым?*).

Наводящими могут быть и частные вопросы⁵, которые навязывают адресату (отвечающему) то или иное видение обсуждаемой ситуации, проблемы и т. п. Исходное предположение или пресуппозиция специального вопроса⁶ дает возможность представить некоторую информацию / сведения как общеизвестные – разделяемые и

³ Такие вопросы в лингвистике называются «общими» – см., например, [3] – или *yes-no questions* в англоязычной лингвистической традиции. В «Академической грамматике» вопросы, допускающие ответ «да» или «нет», отнесены к так называемым полным модальным вопросам [4, § 2148].

⁴ О семантике общих вопросов русского языка и категории исходного предположения (установки) см. подробнее [13].

⁵ Вопросы с вопросительными словами, не допускающие ответ одиночными частицами «да» или «нет». В англоязычной традиции частные вопросы называются *wh-questions*.

⁶ Для простоты будем считать, что исходное предположение и пресуппозиция специального вопроса совпадают. Подробнее см. соответствующую литературу по лингвистической семантике, например [13, 14].

спрашивающим, и отвечающим⁷. Так, в вопросе *«Кто из участников преступления находился в момент выстрела около дома?»* содержится исходное предположение: 'кто-то из участников преступления находился в момент выстрела около дома', а также пресуппозиция 'совершенно преступление'. Таким образом, используя наводящие вопросы, спрашивающий контролирует речевое общение, а также передает адресату (собеседнику) необходимую информацию, которую тот может и не знать.

Необходимо также иметь в виду семантические и прагматические признаки, которые позволяют выделить наводящие вопросы с лингвистической точки зрения как особый тип (наряду с общими и частными).

К числу *семантических признаков* относится наличие в вопросе пропозициональной составляющей, то есть той части смысла, которая связана с описанием некоторой ситуации [12, с. 217–218]. Именно в пропозиции, включающей в стандартном случае участников некоторой ситуации (актантов) и отношения между ними (предикативная часть), передаются сведения (информация), которые говорящий хочет сообщить слушающему. Однако вопрос любого типа включает пропозиции. Так, общий позитивный вопрос *«Иванов находился в беспомощном состоянии?»* содержит две пропозиции: 'Иванов находился в беспомощном состоянии' и 'Иванов не находился в беспомощном состоянии', причем адресат вопроса должен выбрать одну из альтернатив. Очевидно, что спрашивающий в случае наводящего вопроса использует средства языка таким образом, чтобы дать понять адресату, какой ответ он ожидает. В случае общих позитивных вопросов именно позитивная пропозиция 'Иванов находился в беспомощном состоянии' представляется спрашивающему более вероятной. Это семантическая установка общего позитивного вопроса [3]. Таким образом, в наводящем вопросе эксплуатируются те пропозиции вопросов, которые коммуникативно выделены, то есть представляются спрашивающему наиболее вероятными (семантические установки общих позитивных и общих негативных вопросов), а также представлены в вопросе как общеизвестные и не требующие дополнительного обсуждения (навязывание пресуппозиций общих и

специальных вопросов⁸, исходные предположения специальных вопросов).

Обобщая вышесказанное, можно заключить, что пропозициональная составляющая общих вопросов передается в установочном компоненте, а частных вопросов – в исходном предположении. Кроме того, пресуппозиции могут присутствовать и в общем, и в частном вопросе, что зависит в том числе от используемых предикатов (глаголов и их форм, а также частиц и служебных слов, часто включающих пресуппозиции как часть значения). Назовем пропозициональный признак *пропозициональным критерием* выделения наводящего вопроса.

Прагматические признаки наводящих вопросов касаются, во-первых, новизны информации, сообщаемой в пропозициональной части семантики вопроса, и, во-вторых, ее соответствия версии обсуждаемых событий спрашивающего. *Критерий актуальности* указывает на то, что информация пропозициональной части вопроса вводится в поле зрения отвечающего. Она может быть новой для него или по каким-то причинам не принятой им во внимание. В последнем случае отвечающий, например, не придает ей значения, забыл те или иные аспекты обсуждаемого и т. п.

Критерий ангажированности информации, в свою очередь, указывает, что пропозициональная часть семантики вопроса отражает версию обсуждаемых событий, которой придерживается и/или отстаивает спрашивающий.

Таким образом, наводящий вопрос должен:

- i. содержать семантическую информацию в виде пропозиции (пропозициональный критерий), которая соответствует представлениям спрашивающего о желательном / вероятном ответе;
- ii. вводить информацию в поле зрения отвечающего (критерий актуальности);
- iii. отражать версию описываемых событий, желательную для спрашивающего (критерий ангажированности).

2. Прагматика наводящих вопросов

Типичные проблемные ситуации, в которых проявляются наводящие вопросы, это, во-первых, случаи, когда проведена предварительная беседа с допрашиваемым и обговорена версия событий, которая устра-

⁷ См. подробнее о понятиях исходного предположения вопроса и пресуппозиции частных вопросов [15].

⁸ О приеме речевого воздействия «навязывание пресуппозиции» см. подробнее: [11, с. 193–194].

ивает следствие и с которой соглашается допрашиваемый. Назовем такие ситуации *согласованными нарративами*. Такие случаи, вообще говоря, не обязательно связаны с противоправными действиями. Действительно, в процессе судебного заседания государственный обвинитель может с помощью наводящего вопроса напомнить свидетелю то, что он говорил ранее и что отражено в материалах дела:

(3)

Государственный обвинитель: Вы подтверждаете, что видели, как подсудимый заходил в подъезд дома потерпевшей утром во вторник 18 мая 2020 г.?

Свидетель: Да, так оно и было. Муранский около 9 часов утра в этот день зашел в подъезд Ольги.

Очевидно, что языковая форма общего позитивного вопроса, установка которого в явном виде указывает на наличие показаний, данных свидетелем ранее (*Вы подтверждаете...?*), отвечает всем признакам наводящего вопроса (i), (ii) и (iii). Однако в юридической литературе такие вопросы относят к уточняющим. Между тем, вопрос может быть одновременно и уточняющим, и наводящим, поскольку эти категории относятся к разным функциям речевого акта. Действительно, уточнение – это дискурсивная функция, определяющая место вопроса в аргументации (в системе доказательств), а характеристика вопроса как наводящего является коммуникативной и указывает на способ введения семантической информации в дискурс (в общее поле зрения говорящего и слушающего), а также определяет ресурс речевого воздействия на собеседника.

Разумеется, ситуации согласованного нарратива часто связаны с неправомерными действиями допрашивающего. Так, в одном из случаев, когда речь шла о поджоге дома, в результате чего погиб человек, на допрашиваемого было оказано психологическое давление, чтобы он согласился подтвердить некоторую версию преступления. Однако, поскольку эта версия была для него когнитивно сложна, и он был просто не в состоянии ее запомнить, допрашивающий регулярно задавал ему наводящие вопросы:

(4)

Следователь: А забор как к дому был?

Свидетель: В смысле как забор был?

Следователь: Ну, забор какой-то был у дома, нет?

Свидетель: Да, забор был. Вот забор, вот на плане.

Следователь: А что еще?

Свидетель: В смысле?

Следователь: В заборе какие-то где-то... цельный забор был?

Свидетель: Не помню. Наклонился, на верное – старый.

Следователь: Отверстие было? Пройти во двор можно?

Свидетель: Ах да, конечно, дырка была.

В последовательности наводящих вопросов следователя: *А забор как к дому был?; Ну, забор какой-то был у дома, нет?; В заборе какие-то где-то... цельный забор был?; Отверстие было?; Пройти во двор можно?* передается вся информация, отвечающая согласованной участниками версии событий, но забытая допрашиваемым.

В некотором смысле противоположный тип ситуаций, характерный для наводящих вопросов, можно назвать *несогласованными нарративами*. В этом случае версия событий, интересующая спрашивающего, неизвестна допрашиваемому, или он ее не разделяет полностью или частично. В таких коммуникативных ситуациях искусство речевого воздействия проявляется в полной мере. Умелый коммуникатор может многого добиться, используя приемы навязывания пресуппозиций, семантических следствий и т. п. В примере из допроса, приводимом ниже, допрашивающий во время следственного эксперимента умело вводит в поле зрения свидетеля-ребенка те элементы воспроизводимой ситуации преступления, которые кажутся ему необходимыми для доказывания его версии события:

(5)

Свидетель: Сначала подошла девочка. Вот сюда (вытягивает руки куклы за решетки).

Следователь: Так, подошла, сюда.

Свидетель: Вот здесь стояла.

Следователь: А ты где стоял в это время?

Свидетель: Вот там наверху на лестнице.

Следователь: Как она руки сделала? С руками что она сделала?

Свидетель: Схватила вот сюда вот (показывает, как хватает прутья)

В приведенном примере следователь в последовательности наводящих вопросов (*Как она руки сделала? С руками что она сделала?*) умело вводит в поле зрения сви-

детеля тот объект, который существенен с точки зрения его версии описания событий, при том что допрашиваемый ранее «руки» не упоминал.

Следует сразу подчеркнуть, что собственно лингвистическое исследование в большинстве случаев не позволяет установить, в какой ситуации произносится наводящий вопрос – в ситуации *согласованного* или *несогласованного нарратива*. Иногда это становится ясно по содержанию текста вопроса или в результате совместной работы эксперта-лингвиста и эксперта-психолога. В большинстве случаев это экстралингвистическая информация, сообщаемая лингвисту как часть проблемной ситуации, в которую погружен объект исследования. Тем не менее, полезно разграничивать такие ситуации при проведении семантического анализа.

Рассмотрим на конкретных примерах те семантические области плана содержания речевых форм, которые могут использоваться спрашивающим в наводящих вопросах для передачи своих представлений о том, какой ответ он считает более вероятным, предпочтительным, правильным и т. п.

3. «Наводимые» смыслы наводящих вопросов

Как уже отмечалось выше, общий вопрос в поверхностной форме вводит ту пропозицию, которую спрашивающий считает наиболее вероятной в качестве ответа (либо положительную в общих позитивных вопросах, либо отрицательную в общих негативных вопросах, то есть с отрицанием в поверхностной форме – соответственно 'Иван пришел?' и 'Иван не пришел?'. Эта особенность семантической структуры общих вопросов часто используется в наводящих вопросах. Такая часть смысла общего вопроса называется *установкой* [3]. Рассмотрим пример:

(6)

Следователь: Два раза вы уже стрелять выстраивались. А как, по какому принципу короче вы выстраивались? С четверга на пятницу в ночь?

Подозреваемый: Да примерно в эти дни.

Следователь: Не примерно, а точно.

Подозреваемый: Ну да, эти дни.

В приведенном фрагменте следователь довольно точно указывает период времени подготовки убийства, хотя ранее об этом не

говорилось. Информация о периоде времени с *четверга на пятницу в ночь* представляет собой установку общего вопроса, который продолжает частный вопрос о способе действия: *А как, по какому принципу короче вы выстраивались? С четверга на пятницу в ночь?* Указанный временной период представляется в вопросе как наиболее предпочтительный ответ, то есть в данной ситуации практически «навязывается» адресату. Понимая, что общий вопрос включает слишком много информации, то есть является наводящим и из-за этого не вполне корректен, следователь настоятельно предлагает подозреваемому прокомментировать, почему выбрано именно это время:

(7)

Следователь: Вы выстраивались. Я больше не должен говорить, ты должен говорить, почему вы решили с четверга на пятницу за ним следить.

Фраза *ты должен говорить* передает побуждение адресату не просто мотивировать выбор времени, но и быть более активным в коммуникации (*Я больше не должен говорить*). Следует отметить, что данная фраза представляет собой характерный признак ситуации *согласованного нарратива*. Следователь, как модератор вопроса, напоминает собеседнику о необходимости излагать согласованную версию событий.

Установка общего вопроса хорошо сочетается с модальностью предположения, которая позволяет коммуникативно выделить желательный ответ:

(8)

Следователь: Подожди, подожди. Вот здесь детально надо уточнить. Может с агрофирмы он звонок получил, Апраксин? Тебе не рассказывал, что откуда он получил звонок?

Подозреваемый: Нет, в этот момент не было звонка, ну я не знаю, а Апраксин откуда... Я знаю, он там стоял в это время и смотрел.

В данном фрагменте следователь в установочной части общего вопроса *Может с агрофирмы он звонок получил, Апраксин?* формулирует наиболее вероятный ответ опрашиваемого, согласно которому Апраксин мог получить информацию о моменте выхода жертвы из офиса по звонку из агрофирмы. Эта часть семантики общего вопроса легко «считывается» допрашиваемым, на что указывают его последующие реплики:

(9)

Подозреваемый: И вот так, когда позвонили... Я не знаю, Апраксин откуда уз-

нал об этом. Там вот этот Голованов участие принимал не принимал, вот этот момент я не знаю. Может, он там был в здании и, может, он как-то дал знать...

В начале фразы подозреваемый исходит из того, что звонок был – *И вот так когда позвонили...* – и лишь потом поправляется: *Я не знаю, Апраксин откуда узнал об этом. Там вот этот Голованов участие принимал не принимал, вот этот момент я не знаю. Может, он там был в здании и, может, он как-то дал знать...*

Общий позитивный вопрос *Очки были на нем?* приводится в примере:

(10)

Следователь: Очки были на нем?

Подозреваемый: Я когда вышел, не видел на нем очки, может у него были с собой какие-то. Я не заметил.

Такой вопрос передает установку на положительный ответ (*– Да, он был в очках / – Очки были на нем*). Ранее в опросе об очках речь не шла. Корректный вопрос относительно вида потерпевшего выглядел бы, например, так: *– Как он выглядел?*

Типичный способ организации наводящего вопроса – **использование вопросов-подтверждений**. Структурно они организованы следующим образом: пропозиция *P*, вводящая желательный ответ + вопрос вида *Ведь так? / Так же? / Правда же? / Вы согласны? / Правильно? / Да?* и т. д. Рассмотрим характерный пример:

(11)

Следователь: Примерно, когда телефоны взяли вы?

Подозреваемый: Ну где-то месяц до этого почти, больше, полтора месяца, он приобрел телефоны. И ну вот так вот следили, следили. То там не получалось, то тут не получалось.

Следователь: Большинство следили, ты вспоминай, следили по адресу и по месту работы, так же?

Подозреваемый: Да, да.

Во фразе *Большинство следили, ты вспоминай, следили по адресу и по месту работы, так же?*, включающей вводный побудительный компонент (*ты вспоминай*), следователь сообщает подозреваемому информацию, которая ранее не обсуждалась или прочно забыта подозреваемым. Именно поэтому он не в состоянии дать распространенный ответ: находясь в состоянии когнитивной неопределенности, допрашиваемый лишь подтверждает фактом *Да, да*. Форма общего вопроса,

его установочная часть позволяет и в этом случае практически в явном виде сообщить адресату, что спрашивающий ожидает услышать в качестве ответа. Вводную фразу *ты вспоминай* следует рассматривать как характерный признак *согласованного нарратива*.

Разберем еще один похожий пример:

(12)

Следователь: Пятнадцатого числа вы вечером решили, при этом у Харламова был один телефон, у Апраксина был второй телефон, так же?

Подозреваемый: Да, да.

Общий вопрос-подтверждение следователя в приведенном фрагменте в сочетании с утверждением (*Пятнадцатого числа вы вечером решили, при этом у Харламова был один телефон, у Апраксина был второй телефон, так же?*) включает сведения о распределении телефонов между участниками, что ранее в допросе не обсуждалось. Иными словами, мы опять имеем дело с наводящим вопросом-подтверждением. Он позволяет дать понять допрашиваемому, какого ответа от него ждут. Как и в только что рассмотренном случае, вопросительная конструкция состоит из двух компонентов: утверждения *Пятнадцатого числа вы вечером решили, при этом у Харламова был один телефон, у Апраксина был второй телефон* и иллокутивной⁹ части, уточняющей коммуникативную направленность предшествующей реплики *так же* (с вопросительной иллокутивной функцией). Иными словами, вместо общего вопроса в собственной функции используется речевой акт вопроса-подтверждения (*P* [утверждение]. *Так же?*). Такое построение вопросительной конструкции указывает на заинтересованность допрашивающего в получении ответа, соответствующего его утверждению *P* (= *‘Пятнадцатого числа вы вечером решили, при этом у Харламова был один телефон, у Апраксина был второй телефон’*).

В вопросе-подтверждении (13) следователь передает логику размышлений, которая допрашиваемому недоступна или которую он не в состоянии вербализовать:

(13)

Следователь: Почему ты так решил, что она переделка¹⁰? Потому что он не попал? Переделка, потому что дает такие погреш-

⁹ Иллокутив – компонент речевого акта, выражающий намерение или коммуникативную цель говорящего.

¹⁰ Имеется в виду переделка пистолета из травматического в боевой.

ности стрельбы, так? Из-за этого ты решил так?

Подозреваемый: Да, так подумал, что у него, скорее всего, одна из этих переделка.

В приведенной последовательности реплик следователь в общем вопросе-подтверждении *Переделка потому что дает такие погрешности стрельбы, так?* сообщает допрашиваемому готовое объяснение его предшествующего ответа, согласно которому переделанный пистолет был у Харламова (*У Харламова была переделка, потому что у нас два пистолета было*).

Для формирования вопроса-подтверждения может также использоваться частица «да»:

(14)

Следователь: Ну вот вызов скорой помощи в 9:10 было... Значит, ты стоишь между 3-м и 4-м этажами, люди ходят, да?

Свидетель: Да.

В данном фрагменте следователь использует конструкцию с частицей *да* в функции подтверждения¹¹, описывая версию событий, которая представляется ему наиболее вероятной. Свидетель, в качестве которого выступает в данном случае ребенок, легко соглашается с предложенным описанием. Возможно, такой вариант согласовывался ранее, а может быть и нет: так в дискурс может вводиться информация, совершенно новая для адресата.

Еще один слой семантики вопросов, обладающий серьезным потенциалом в отношении «наведения» информации, – **пресуппозиции вопроса**:

(15)

Следователь: Видела, как упала, да?

Свидетель: Да.

Следователь: А ты все стоял молча?

Свидетель: Угу.

Следователь: Значит, девочка упала, и после этого женщина закричала и побежала, или до этого закричала?

Свидетель: После.

Следователь: После. Значит, она видит, как девочка упала? Так?

Свидетель: Угу.

Следователь: И после этого, что она сделала?

Свидетель: Закричала.

В приведенном фрагменте допроса следователь в явном виде подсказывает до-

прашиваемому, что женщина закричала, хотя ранее свидетель это не упоминал:

Следователь: Значит, девочка упала, и после этого женщина закричала и побежала, или до этого закричала?

Альтернативный вопрос касается лишь того, когда закричала женщина – до того, как побежала или после. Иными словами, крик женщины является пресуппозицией фразы (альтернативного вопроса): *... после этого женщина закричала и побежала, или до этого закричала?* Содержание пресуппозиции «навязывается» адресату как истинная информация, не подлежащая обсуждению. **Прием речевого воздействия и управления пониманием «навязывание пресуппозиции»** заключается в том, что семантическая информация, важная для говорящего, подается им не как новое знание, которое требует рационального и осознанного анализа, а как нечто само собой разумеющееся, известное или как условие осмысленности сказанного. Это характерный прием речевого воздействия [11, с. 193], который находит применение и в наводящих вопросах.

Еще один смысловой слой – **исходное предположение специального вопроса**. По существу, это пресуппозиция, свойственная именно специальным вопросам. Впрочем, согласно Е.В. Падучевой, исходное предположение не идентично пресуппозиции (в ее терминологии – «презюмции»). Она определяет исходное предположение специального вопроса как «...суждение, которое является следствием всех его положительных ответов» [18, с. 64]. Действительно, специальный вопрос *Кто убил Петрова?* может иметь разнообразные «правильные» и «неправильные» ответы: *Сидоров, Ольга, вражеские лазутчики* и т.д. Все эти ответы влекут семантическое следствие ‘Кто-то убил Петрова’, которое и является исходным предположением.

В примере ниже серия специальных вопросов следователя передает идею организации убийства:

(16)

Следователь: Примерно сколько вы следили за ним?

Подозреваемый: Где-то месяц, может чуть больше.

Следователь: Следили, вычислили, и уже непосредственно чтоб его убить, сколько уже ходили? Выстраивались сколько уже?

¹¹ «**ДА** <...> 2. Употр. как вопрос при желании получить подтверждение чему-н. в знач. не так ли? не правда ли?» [17, с. 177].

Вопросы следователя: *Следили, вычислили, и уже непосредственно чтоб его убить, сколько уже ходили? Выстраивались сколько уже?* основываются на исходном предположении, входящем в специальный вопрос о количестве (*Сколько?*), согласно которому подозреваемый вместе с другими фигурантами дела предпринимал несколько попыток организации убийства. Между тем, нигде ранее в репликах допрашиваемого об этом не сообщалось.

4. За пределами наводящих вопросов – подсказка, дополненная реальность

В дискурсе, в том числе во время допросов различных типов, наводящие вопросы часто сочетаются с другими речевыми практиками, позволяющими допрашивающему передавать информацию о желательном ответе. Такие способы речевого воздействия еще более очевидны для участников, чем наводящий вопрос, и в силу этого неправомерны с точки зрения закона.

Наиболее частый прием такого типа – **подсказка**, коммуникативно выполняющая ту же функцию, что и наводящие вопросы, но в более явном и навязчивом варианте:

(17)

Свидетель: Я Петров Владимир Алексеевич.

Следователь: Дата рождения. Присаживайтесь.

Свидетель: (смешался) (смех присутствующих)

Следователь: так, Петров Владимир...

Один из присутствующих (подсказывает): Егор Владимирович. (смех)

Свидетель: Петров Егор Владимирович.

Следователь: Понятно. Не волнуйся. Дата рождения, я не понял.

Свидетель: 15 сентября 2008 года.

В качестве свидетеля на допросе присутствует ребенок, который в непривычной официальной обстановке растерялся и произносит имя и отчество своего отца, который его поправляет репликой-подсказкой. Очевидно, что в данном случае подсказка уместна и вряд ли ее можно признать нарушением.

Между тем, на том же допросе участники (допрашивающий и законный представитель ребенка) позволяют себе куда большие вольности:

(18)

Следователь: Так и говорите. Что ты там видел?

Свидетель: (в недоумении)

Один из присутствующих (подсказывает): Падение.

Следователь: Неумышленное падение? Наверно, покушение на умышленное убийство, да? Ребенка?

Свидетель: Да.

Отец свидетеля подсказывает ему, что нужно включить в пропозициональную структуру ответа – ‘падение’. В последующих наводящих вопросах следователь фактически формулирует сам ответ: *Наверно, покушение на умышленное убийство, да? Ребенка?*

Использование подобной нарочитой формулировки правового характера:

Наверно, покушение на умышленное убийство, да? Ребенка?

создает контекст криминального события, что позволяет сформировать **отрицательно оцениваемый контекст или ассоциативный ряд**. Это прием речевого воздействия, основывающийся на включении объекта *X* в описание положительно / отрицательно оцениваемого действия (события) или на включении объекта *X* во множество объектов *Y, Z*, оцениваемых положительно / отрицательно [11, с. 180 и далее].

В некоторых случаях допрашивающий явно проговаривает последовательность сцен события в его интерпретации, пользуясь тем, что допрашиваемый ребенок не в состоянии вспомнить, что он говорил ранее:

(19)

Следователь: И чего она тебя спросила, что ты ей сказал?

Свидетель: Не помню.

Следователь: А она тебя спросила, что за крик тут. И ты чего ответил ей?

Свидетель: Нет...

Следователь: Погромче.

Свидетель: Может быть.

Следователь: Что может быть?

Свидетель: (в состоянии когнитивной неопределенности).

Следователь: Кто скинул?

Свидетель: Не знаю... (что-то непонятно бубнит).

Следователь: Девочку скинули?

Свидетель: Девочка...

Следователь: Девочка скинула?

Свидетель: Девочку.

В приведенном примере во фразах *А она тебя спросила, что за крик тут. Девочку скинули?* формируется последовательность событий в эпизоде. Насколько она соответствует реальности, установить собственно

лингвистическими средствами невозможно. Вполне вероятно, что допрашивающий искренне полагает, что нужно помочь ребенку вспомнить, что произошло. Ясно также, что участие профессионального психолога – специалиста по детской психологии – в допросе несовершеннолетнего является *condicio sine qua non*.

К отдельному типу феноменов, близких по коммуникативной цели к наводящим вопросам, относятся ситуации «**дополненной реальности**». В таких случаях допрашивающий самостоятельно дополняет и расширяет сказанное допрашиваемым, внося в ответ новую информацию и фиксируя ее в протоколе. По грамматической форме это не вопросы, а утверждения, искажающие содержание ответов допрашиваемого или заменяющие их. Приведем примеры данного типа.

(20)

Следователь: Третье ты что должен был делать?

Подозреваемый: Я, ну с Харламовым как бы вместе.

Следователь: Уже исполнители?

Подозреваемый: Да.

Следователь пишет и произносит вслух то, что пишет: «Так, мне и Харламову наделена роль стрелков».

Фраза следователя: «*Так, мне и Харламову наделена роль стрелков*» искажает суть ответа подозреваемого. Действительно, он не говорил о *стрелках*, а также о том, что он и Харламов кем-то наделены данной ролью.

Подробность достраивания реальности может превосходить все разумные пределы:

(21)

Следователь: Дальше, пятнадцатого уже, все. Пятнадцатого, двенадцатого, одиннадцатого года вы начали с чего? Вот день начался. День описывай мне с самого начала. С утра встали вы, что дальше было?

Подозреваемый: Ну вечером договорились.

Следователь: Вечером, потому что это было с четверга на пятницу?

Следователь, записывая, произносит: «Вечером, так как эта ночь с четверга на пятницу, мы решили поехать к агрофирме «Тучная нива» с целью убийства Керимова, уже окончательно».

В результате письменная версия допроса (*Вечером, так как эта ночь с четверга на пятницу мы решили поехать к агрофирме «Тучная нива» с целью убийства Керимова,*

уже окончательно) по смыслу никак не соотносится с репликами подозреваемого. Из реплики *Ну вечером договорились* не следует подробное описание намерений, которое записывает допрашивающий. Подозреваемый не говорил о своих намерениях и в предшествующем дискурсе.

Аналогичный пример:

(22)

Следователь: Сколько минут прошло?

Подозреваемый: Минута, может чуть больше.

Допрашивающий, записывая, произносит: «Через две-три минуты из-за ворот агрофирмы вышел Керимов с портфелем в руке».

Ничего подобного допрашиваемый не говорил. Искажение слов подозреваемого в письменной записи очевидно. Содержание ответа *Минута, может чуть больше* относится ко времени ожидания; в ответе ничего не говорится о том, кто появился из-за ворот агрофирмы и что было у этого человека в руке.

Приведем вопиющий случай, когда следователь, не задавая вопросов, сам пишет показания за подозреваемого, изредка спрашивая у него подтверждение:

(23)

Следователь, записывая, произносит: «А за ним выходил вроде бы таксист». Да?

Подозреваемый: Да.

Следователь, записывая, произносит: «В это время Харламов, натянув на лицо шарф, заранее замотанный на шее...»

Следователь: Так же?

Подозреваемый: Да.

Следователь, записывая, произносит: «...вышел и быстрым шагом пошел на Керимова».

Следователь: Так?

Подозреваемый: Да.

Последовательность реплик следователя в данном примере почти исчерпывающим образом описывает ситуацию, в которой произошло преступление. Соответственно, пропозициональное содержание ответа допрашиваемого почти полностью формулируется следователем. Последний не просто «дополняет реальность», а строит ее, создавая версию событий, которую считает истинной.

5. Наводящий вопрос: пределы лингвистического знания

План содержания вопроса – смысловые слои, формирующие семантику данной ил-

локуции – настолько разнообразен, что и поверхностная форма выбранной альтернативы в общем вопросе, и установочный компонент альтернативных вопросов, и исходное предположение специальных вопросов, *не-ли-вопросы* и многие другие аспекты семантики могут успешно использоваться умелым коммуникатором для сообщения собеседнику своих коммуникативных ожиданий. Впрочем, дело не только в лингвистических особенностях семантической структуры вопроса, но и в прагматических признаках наводящего вопроса – в актуальности «наводимого» смысла и ангажированности. Введение в поле зрения адресата вопроса некоторой пропозиции относительно легко устанавливается чисто лингвистическими средствами по структуре дискурса, а вот признак ангажированности относится

к чисто прагматическим категориям и должен быть доступен лингвисту как утверждение, исходная константа описываемых событий. Иными словами, формула «*лингвистические признаки наводящего вопроса*» методологически совершенно уместна для исследований в рамках лингвистической экспертизы.

Не случайно феномен наводящего вопроса не имеет аналогов в сфере собственно лингвистического знания. Если утверждения, пресуппозиции, семантические следствия, а также угрозы, побуждения, требования, приказы имеют законченное лингвистическое определение, хотя и не исключают других измерений исследования, наводящие вопросы являются междисциплинарным феноменом и в идеале предполагают комплексный научный подход.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Центров Е.Е. Наводящий вопрос и пределы использования информации на допросе // *Российская юстиция*. 2003. № 5. С. 43–45.
2. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: учебник / Под общ. ред. А.В. Смирнова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: КНОРУС, 2008. 704 с.
3. Баранов А.Н., Кобозева И.М. Семантика общих вопросов в русском языке (категория установки) // *Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка*. 1983. Т. 42. № 3. С. 263–274.
4. Брызгунова Е.А., Габучан К.В., Ицкович В.А. и др. *Русская грамматика*. Т. 2: Синтаксис. М.: Наука, 1980. 710 с.
5. Лашкин Ф. Наводящие вопросы свидетелю в гражданском процессе: так есть ли запрет? // *Zakon.ru*. 24.04.2018. https://zakon.ru/blog/2018/04/24/navodyaschie_voprosy_svidetelyu_v_grazhdanskom_processe_tak_est_li_zapret
6. Ахмедшин Р.Л. Тактика коммуникативных следственных действий / науч. ред. Н.Т. Ведерников. Томск: Издательский Дом ТГУ, 2014. 294 с.
7. Подшибякин А.С. Классификация вопросов, используемых при допросе в состязательном уголовном процессе // *Вестник Московского государственного областного университета*. Серия: Юриспруденция. 2007. № 1-1. С. 57–61.
8. Голунский С.А. Допрос на предварительном следствии. Ашхабад: Военно-юридическая академия РККА, 1942. 120 с.
9. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1969. 608 с.

REFERENCES

1. Tsentrov E.E. Leading Question and Information Use Limitations During Interrogation. *Russian Judiciary*. 2003. No. 5. P. 43–45. (In Russ.).
2. Smirnov A.V., Kalinovskiy K.B. *Criminal Process: Textbook* / A.V. Smirnov (ed.), 4nd ed. Moscow: KNORUS, 2008. 704 p. (In Russ.).
3. Baranov A.N., Kobozeva I.M. Semantics of General Questions in Russian (Category of Semantics Setting). *Proceedings of the USSR Academy of Sciences. Literature and Language Series*. 1983. Vol. 42. No. 3. P. 263–274. (In Russ.).
4. Bryzgunova E.A., Gabuchan K.V., Itskovich V.A. et al. *Russian Grammar. Vol. 2: Syntax*. Moscow: Nauka, 1980. 710 p. (In Russ.).
5. Lashkin F. Leading Questions for a Witness in Civil Process: Is There Any Prohibition After All? *Zakon.ru*. 24.04.2018. (In Russ.). https://zakon.ru/blog/2018/04/24/navodyaschie_voprosy_svidetelyu_v_grazhdanskom_processe_tak_est_li_zapret
6. Akhmedshin R.L. *Tactics of Communicative Investigatory Activities* / N.T. Vedernikov (ed.). Tomsk: TGU Izdatel'skiy Dom, 2014. 294 p. (In Russ.).
7. Podshibyakin A.S. Classification of Questions Used Under Interrogation in Adversarial Criminal Proceedings. *Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Jurisprudence*. 2007. No. 1-1. P. 57–61. (In Russ.).
8. Golunskii S.A. *Interrogation under Preliminary Investigation*. Ashgabat: Red Army Military Law Academy, 1942. 120 p. (In Russ.).
9. Akhmanova O.S. *Dictionary of Linguistic Terms*. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1969. 608 p. (In Russ.).

10. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
11. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2007. 592 с.
12. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика: учебное пособие. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.
13. Падучева Е.В. Презумпции и другие виды неэксплицитной информации в предложении // Научно-техническая информация. Серия 2: Информационные процессы и системы. 1981. № 11. С. 211–217.
14. Падучева Е.В. Понятие презумпции в лингвистической семантике // Семиотика и информатика. Вып. 8. М.: ВИНТИ, 1977. С. 91–124.
15. Kiefer F. Some Semantic and Pragmatic Properties of WH-questions and the Corresponding Answers // *Statistical Methods in Linguistics*. 1977. Vol. 3. P. 42–71.
16. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова, 2007. 1175 с.
17. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М.: Наука, 1985. 273 с.
10. *Linguistic Encyclopedic Dictionary* / V.N. Yartseva (ed.). Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1990. 685 p. (In Russ.).
11. Baranov A.N. *Forensic Linguistics Text: Theory and Practice: Training Manual*. Moscow: Flinta, Nauka, 2007. 592 p. (In Russ.).
12. Kobozeva I.M. *Linguistic Semantics: Training Manual*. Moscow: Editorial URSS, 2000. 352 p. (In Russ.).
13. Paducheva E.V. Presumptions and Other Types of Non-Explicit Information in the Sentence. *Scientific and Technical Information. Series 2: Information processes and systems*. 1981. No. 11. P. 211–217. (In Russ.).
14. Paducheva E.V. The Notion of Presumption in Linguistic Semantics. *Semiotics and Computer Science. Issue 8*. Moscow: VINITI, 1977. P. 91–124. (In Russ.).
15. Kiefer F. Some Semantic and Pragmatic Properties of WH-questions and the Corresponding Answers. *Statistical Methods in Linguistics*. 1977. Vol. 3. P. 42–71.
16. *Explanatory Russian Dictionary Including Information on Words Origin* / N.Yu. Shvedova (ed.). Moscow: V.V. Vinogradov Russian Language Institute, 2007. 1175 p. (In Russ.).
17. Paducheva E.V. *The Utterance and Its Correspondence to Reality*. Moscow: Nauka, 1985. 273 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Баранов Анатолий Николаевич – д. филол. н., профессор, заведующий отделом экспериментальной лексикографии Института русского языка им. В.В. Виноградова Российской Академии наук; e-mail: baranov_anatoly@hotmail.com

*Статья поступила: 16.09.2024
После доработки: 30.09.2024
Принята к печати: 15.10.2024*

ABOUT THE AUTHOR

Baranov Anatolii Nikolaevich – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Experimental Lexicography, V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences; e-mail: baranov_anatoly@hotmail.com

*Received: September 16, 2024
Revised: September 30, 2024
Accepted: October 15, 2024*